

ИВАН ЧАРОТА

доктор филологических наук, профессор

РЕАЛЬНОЕ ПРОТИВ ИДЕАЛЬНОГО

Перспективы союза Беларуси с Россией

Заявленная тема не формальности ради вынуждает исходно выделить понятия, которые принимаются нами в качестве ключевых и опорных. В данном случае это, прежде всего, *союз /союзное государство, воссоединение/реинтеграция, объединяющая русскость...* ими пользоваться мы должны безо всяких оглядок на то, что думают и говорят по этому поводу “внешние”, – к примеру, высокочтимые Обама, Кэмерон, Олланд, Меркель, Грибаускайте или Клинтон и им подобные. Причём мы сами, конечно же, во всех анализах и прогнозах обязаны как можно адекватнее оценивать реальные итоги декларирующегося государственного строительства. И признать: для *со-уз, которые* сложились на данный момент, уместно сравнение только с тем, что нынешняя молодёжь называет “гражданским браком”.

Понятно, основные проблемы создания настоящего союза предопределяются суровой реальностью глобального переустройства мира. И потому никак невозможно игнорировать вопросы геополитические, оборонные, государственно-правовые, социально-экономические, финансовые, торговые и т. д. В разных планах, к тому же, даёт о себе знать вроде бы неоспоримый закон: “Бытие определяет сознание”. Однако правомерно ли всё сводить только к “базису”, не уделяя должного внимания тому, что прежде называли “надстройкой”? Особенно если учитывать, что как раз её важнейшие составляющие не столь резко изменчивы, не в такой степени зависимы от “потребы” геополитики и “злости” текущих моментов.

Имеется в виду, прежде всего, общее духовно-культурно-историческое наследие, благодаря которому не только сформировалась общность наших народов, но и впредь могла бы сохраняться надёжная основа для восстановления общности, укрепления единства. Разумеется, при условии, что мы будем действительно заботиться о полученном наследии, о сохранности основы. В противном случае не миновать той мрачной перспективы, которую часто обозначает один мой уважаемый коллега и друг – выпадения из истории, а также из многовековой общности. Будучи уверенным, что по-настоящему великие дела не могут осуществляться без объективной критики и искренней самокритики, смею утверждать: как раз это большинством политиков, политологов, политтехнологов, идеологов и Беларуси, и России принималось в контексте общих деклараций, однако на практике недооценивалось либо оценивалось неадекватно. За всё это несёт ответственность, безусловно, так-

же гуманитарно-научная и творческая интеллигенция. И Беларуси, и России. Поэтому, имея в виду коллег российских, в очередной раз осмеливаюсь, по-братски, высказать предостережение относительно взглядов “с высоты” Останкинской башни и колокольни Ивана Великого. Они не всегда верны из-за угла зрения и соответствующей проекции. А нам наша реальность, на уровне глаз, видна отчётливее. В том числе и опасность, которая непременно даст о себе знать, ежели мы вместе, именно по-братски, не будем делать того, что должны ради истинного братства, в интересах соотечества.

Если же внимательно и беспристрастно анализировать, воздействуют ли должным образом объединительные процессы на ориентиры общественного сознания, то выводы получаются отнюдь не радующими. Увы, есть все основания говорить о том, что даже усугубляется сдвиг, произошедший вследствие развала СССР; в частности, значительная часть граждан Беларуси, особенно молодёжи, интеграцию общеевропейскую считает не менее привлекательной, а при этом более выгодной, нежели интеграция белорусско-российская... К тому же в РБ всё очевиднее становятся результаты происходящей дерусификации – важнейшего средства дезинтеграции по отношению к РФ. Причём если в “перестроечный” период антирусские установки открыто формулировались преимущественно имевшими радикальные взгляды деятелями Белорусского Народного Фронта, то есть незначительной частью общества, и поэтому находились в арсенале актуально-политической риторики отдельных групп, то впоследствии они нашли достаточно широкий отклик в среде национальной творческой интеллигенции, которая влияние их и, соответственно, раздвигательных идей ещё более распространила, умножила. И теперь антирусские настроения массовым сознанием воспринимаются уже не как чуждые “интересам белорусского народа”, а наоборот, соответствующие патриотическим задачам “продолжать возрождение”, “укреплять самобытность”, “отстаивать суверенитет”, утверждать принципы “мультикультурности” и “плюрализма” в противовес “российскому деспотизму”...

В связи с этим часто, и не без оснований, доводится слышать возражение: мол, простой народ-то считает иначе, настроен по-другому. Но вряд ли стоит преувеличивать удельный вес “народного мнения” в итогах политического переустройства. Всем нам известны итоги нескольких референдумов накануне развала СССР, а с другой стороны – результаты Беловежского и подобных соглашений. Иное дело, что народ в целом действительно должен больше ориентироваться на волю Божью, а не на декларации политиканов. Соответственно, взаимоотношения Беларуси с Россией и впрямь ещё могут основываться на том, что наши народы вышли из единой купели (Крещения) и собираются у одной чаши (Причащения), что они вместе создавали единое духовно-культурное пространство, поэтому представляют один культурно-исторический тип. При этом, однако, нельзя и невозможно прикрываться расхожей фразой: “Мы – один народ”. Такое утверждение, безусловно, имеет свой смысл. Только это смысл уже исторический, наподобие того, что дошёл до нас в изложении летописцев: “Един народ славянский”. Нужно согласиться, что звучат обе фразы гордо, а значит – пугающе для наших недругов и противников нашего единства. Но колесо истории невозможно открутить как на тысячелетие, когда в единоверии и единомыслии утверждался суперэтнос славян, так и на полтора столетия, когда были особые шансы для дальнейшего утверждения русской общности. И всё, что последствием произошло, теперь уже из истории не вычёркивается. А успело произойти многое.

Немаловажен и диапазон реакций на идею триединства русского народа в массовом сознании нынешних белорусов, особенно при столь бурно проявляющейся русофобии в Украине. Если использовать расхожую метафору “дерева”, то получается примерно вот что: общие корни одними безапелляционно оспариваются – “в основе нашего этногенеза балтский субстрат”, другими ставятся под сомнение – “кто его знает... ведь у нас не было симбиоза с финно-уграми, да и татаро-монголы нас не покоряли”; и единый ствол с могучими ветвями не принимается, как правило, во внимание – “он, даже если был, то многократно ломался, а сейчас мы видим не что иное, как отвалившиеся ветви”.

Впрочем, так или иначе, едва ли не преобладающему большинству белорусов уже внушена мысль, что верными, надёжными являются ориентиры исключительно западные, указываемые высокоразвитыми странами, “цивили-

зованными” народами, которые нам давно предлагают выгодное партнёрство. И вот что получается: место народов-братьев, которых мы не только ради патетики называли единокровными и единоверными, просто так может быть занято “партнёрами”. Спору нет, такие настроения сложились под влиянием основательно потрудившейся “прогрессивной” интеллигенции. Но не только. Ведь понятие “партнёрство” при обсуждении белорусско-российских отношений весьма частотно и в обиходе наших политиков.

А тем временем всё разгорается война цивилизаций, война мировоззрений, война идей и идеалов, война опорных смыслов бытия, война кодов сознания, война духовно-нравственно-психических моделей человека. . .

И охватывает она весь мир, имея уже очевидные результаты. Вряд ли кто-то сможет убеждённо оспаривать то, что на наших глазах существенно меняется самосознание многих народов глобально “перестраиваемого” мира. Налицо утрата разумного начала и контроля разума, собственно самосознания – исторического, национального, духовно-культурного. . .

Однако автор этих “горестных замет” собрался поразмышлять вслух не о других, более или менее отдалённых народах, а о народе моём, кровно родном. И не могу не поделиться тревогой из-за того, что у моих соотечественников-соплеменников за последние два десятилетия – в итоге “перестройки” советской и глобальной – самосознание подверглось весьма заметной деформации.

Приходится констатировать, что массовое общественное сознание граждан Республики Беларусь, как и большинства постсоветских республик, всё более подчиняется *идее Европы*. Причём дело-то в притягательности не идеи самой по себе, в её конкретно-историческом содержании или философской сути. Манящими, по прагматическим соображениям, оказываются всего лишь обещанные преимущества нового надгосударственного устройства жизни на континенте и, что особенно симптоматично, структур, на которых будто бы клином сошёлся свет – Европейского Союза, Европейского суда, Европейского Банка да плюс ещё общеевропейской денежной единицы. А вожделенность их для обедневшего после известных катаклизмов большинства населения бывшего СССР изначально предопределялась и всё ещё поддерживается идеологами соответствующего рода: “европейский стандарт”, “европейский уровень жизни”, “европейские ценности как общечеловеческие”, “передовая цивилизация Европы”, “достижения европейской культуры” и, конечно же, “объединённая Европа”, “общеевропейский дом”.

Вследствие соответствующей “промывки мозгов”, разного рода мытья и катанья, в Беларуси, прежде всего среди интеллигенции, уже в самом начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто стал полагаться на преимущества идеологического “евроопта” и с энтузиазмом приступил к капитальному “евроремонту” унаследованного дома, а также к соответствующему “окультуриванию” среды: силами таких были созданы Европейский гуманитарный университет и просветительская организация “ЕвроФорум”, “Европейский клуб”, “Европейский учительский клуб”, учреждены “Европейская газета”, радиостанция “Европа Плюс” и т. д. и т. п. вплоть до “Еврообоев” и “Евродент Гинекологии” – “чтобы прояснить над Беларусью европейское небо...” [1]. Кстати, предпринимались также и активные попытки заменить кириллическую азбуку, которая, дескать, для белорусов сужает горизонты, ограничивает светлые перспективы интеграции в Европу. . .

Примечательно, что и до, и после того, как интеграционно-глобализационно-дебилизационный “процесс пошёл”, содержание фоновых идеологем вообще не подлежало хоть какому-то обсуждению, несмотря на то, что в каждом конкретном случае имелись поводы серьёзные. Скажем, когда нам в качестве идеального предлагалось “открытое общество”, всё же стоило уточнить: для чего оно должно быть открытым – для перевалочных баз чужого оружия и наркотиков, для распространения сатанизма, для культа силы, для разрушения семей, для беспредела деморализации, то есть для разрушения тысячелетних традиций и сформированного духовного генотипа? Да и когда декларировался “приоритет прав человека”, никто внятно не мог и даже не собирался объяснить, как эти права сочетаются с правами наций и народностей, то есть с процессами национально-государственной суверенизации в рамках существовавших объединений, равно как и с присвоением основных имущественных, да и гражданских в целом, прав новоявленными олигархами. Пропаган-

да “передовой культуры и цивилизации”, опять-таки, а priori отвергала опасения насчёт того, что мы оказываемся в страшной зависимости от кока-цивилизации, американской псевдокультуры, о которой автору этих строк один старый сербский монах сказал так: “Что нам ихнее, когда у нас в каждом сельском доме сохранились культурные ценности, в несколько раз старше самой Америки?!” От себя добавим, ради уточнения: наша славянская, православная культура – это понятие, производное от культа иного, нежели культ доллара или культ овцы Долли. И в этом её несомненная значимость, да и непреходящая актуальность.

Однако белорусов тоже манили ориентиры иные – ведущие в реальной перспективе к состоянию, которое публицист, соотечественник упомянутого монаха, без обиняков оценил следующим образом: “Огромное большинство народов мира уже окончательно утратило свои корни, подвергшись декультуризации. Вместо активного развития и созидания собственных культур они стали пассивными потребителями “интернациональных” суррогатов утраченных ценностей, то есть антикультуры “made in USA” [2].

Особенно опасным было то, что в сознании большей части белорусов из желанной европейскости как бы закономерно и неизбежно выпадала славянскость, в прежние времена по всем критериям чрезвычайно важная для белорусской “самости”. А со временем привычной стала установка, что славянскую общность следует понимать, как надуманный концепт, абстракцию. В лучшем случае, у нас она трактуется как произвольно выбранное сочетание – чего с чем, неважно. Одним словом, в белорусском обществе исподволь складывались предпосылки для деславянизации в определении геополитических ориентиров, а также и векторов эволюции сознания. В частности, симптоматично распространение специфических “теорий” этногенеза белорусов не как славян, а народа, сложившегося на балтском субстрате, по специфической литовской линии; или – на субстрате ятвяжском, опять же специфически, отдельно от русских, формировавшегося... Незаметно вроде бы самоценным становился вопрос именно о субстрате, а не существовавшей (что засвидетельствовано бесчисленным множеством документов) общности, в которой нынешние белорусы законно сами себя считали “РУСами”, “РУСичами”, “РУСкими”, “РУСинами”, “белоРУСцами” и как таковые именно воспринимались всеми иноземцами.

А к нынешнему времени под воздействием антирусских концепций уже выросло и воспиталось целое поколение граждан “суверенной и независимой” Беларуси, для которых по отношению к их стране, их согражданам не имеют особого значения, а то и просто неприемлемыми являются понятия “общерусские корни”, “общерусское этно-духовное пространство”, (бело)русский народ как “ветвь русской общности”, “составляющая русской цивилизации”, “сегмент/элемент русского мира”, не говоря уже о сохранившемся в историографии определении “Западная Русь”, которое по отношению к современности, геополитической реальности наших дней, в самом деле, вряд ли уместно. Какие-то частности этого большого вопроса действительно следовало бы выносить на широкое обсуждение, не позволяя при этом, чтобы производилось искажение главного. Но, увы, у нас все упомянутые выше понятия стали почти безапелляционно интерпретироваться как свидетельства утраты собственного национального сознания в результате влияния “российской имперской политики и идеологии”. Так что представители молодого поколения, особо не задумываясь, легко могут солидаризироваться с небезызвестным в среде белорусской “образованщины” Яном Станкевичем (1891–1976), который предлагал “...отбросить смешное и вредное название “белорус” и назвать себя нашим исконным славным именем кривичи (здесь и далее в цитатах подчеркивания мои. – И. Ч.) [3]. Стоит обратить внимание, что это позиция не одного Станкевича. Её поддерживал ряд представителей “возрождения” начала XX века. В частности, высокоавторитетный в кругах нынешней белорусской интеллигенции Вацлав Ластовский (1883–1938), считавший, что именованию “Кривія... предназначено в истории народа замкнуть круг времени, быть очистительным огнём, магическим дорожным знаком, целебной и живительной водой Возрождения Народа”, и активно это именование закреплявший своими историографическими и лексикографическими разработками [4]. Намерение “замкнуть круг времени” носителям такой идеологии окончательно реализовать пока не удалось. Однако сама эта идея, в “инвариантах”, развивается также

многими гуманитариями Беларуси наших дней – даже с усугублением антирусской-антироссийской и антиправославной направленности при интерпретации самых разных явлений. Например: “Заметим, что названия “Белая Русь”, “белорусский”, “белорусец” по отношению к нашим землям появились только в середине XVII в. Во время войн Московского государства с Речью Посполитой. Видать, именно от москвитцев исходила инициатива назвать жителей смежного государства [тех, кто исповедовал русскую (православную) веру] белорусцами. Потому использование термина “белорусы” было чрезвычайно удачным: это давало России возможность убедительно обосновать свою захватническую политику” [5]; “...Католичество, например, с его дисциплинированностью полезно подействовало на белорусскую психику, зачатки белорусского возрожденческого движения тоже появились в католической среде (К. Калиновский, Я. Баршчевский, Я. Чачот, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Багужевиц и др.), католичество оказало влияние и на православие, которое в Беларуси отличается от российского и не имеет ни цезарепапизма, ни крайней пассивности, оно открыло двери для белорусского народа и в международной жизни (например, Ватиканская радиостанция первая включила белорусские передачи в свою программу), и благодаря католицизму белорусы причисляют себя к народу Запада и др.”; “Разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия осуществили извечную цель Москвы по отношению к Беларуси, которая включала в себя, прежде всего, воцарение на наших землях православия и самодержавия” [6]; “Под тревожные звуки органа национальная душа не могла уснуть, в то время как “малиновый звон” густым елеем обволакивал, утихомиривал и расслаблял мятежные мысли и устремления. Я не собираюсь оскорблять ничьих нынешних религиозных чувств, я только пытаюсь понять объективное преимущество в нашем колониальном прошлом фермента западнохристианской евроцентричности. . . Нетрудно догадаться, какую официальную роль выполняло православие с конца XVIII в. на аннексированных российским царизмом территориях Беларуси. Оно проводило колониальную политику в духовной сфере (...) Тогда католицизм на Беларуси выступил альтернативой, средством защиты своей духовной независимости в условиях наступления царизма (...) Все лидеры бунтарей, повстанцев, косионеров тех времен были преимущественно из католической среды (...) В конце концов, и само понятие “католицизм” переводится как “общечеловеческий”, “международный”. . .” [7]; “Видать, кроме политических, есть и объективные, обусловленные состоянием и развитием культуры причины немассовости возрожденческого движения белорусов. Конечно, главная из них – подколониальное существование белорусской культуры в XX веке, существование ПОД культурой расейской” [8].

Результаты дерусификации сознания исторического получили уже закрепление не только в отдельных бесцензурных публикациях, но и в учебных пособиях для школ разных уровней:

так, для обозначения возврата русского языка (вместо польского) как языка школы, культуры и делопроизводства в конце XVIII и во второй половине XIX вв., общеупотребительным термином становится “русификация”, нередко с эпитетом “принудительная”;

многие историки вслед за публицистами подчёркивают значение “немосковских эпох” – особенно Великого княжества Литовского (1366–1569) и Речи Посполитой двух народов (1569–1795) – дескать, вместе с Россией предки нынешних белорусов были всего 120 лет (1795–1915), тогда как с Польшей – 236, да и удельные княжества, а затем ВКЛ тоже существовали без Московии;

давали всё-таки свои плоды публичные дискуссии, является ли для белорусов Отечественной война 1812 года, в ходе которой настоятельно предлагалось установить памятники не только белорусам, воевавшим на стороне французов, но и самому Наполеону; в ряде СМИ подобные вопросы ставились в связи с Первой мировой войной; такого же плана диспуты навязывались неоднократно и по отношению к войне Великой Отечественной (Второй мировой).

Уже четверть века у нас многие будто бы пекутся о национальной идее. Но, как правило, имея в виду не результат обобщённого исторического опыта нации, не выражение исконной сущности, не коллективное самосознание народа, а всего лишь желаемое актуальное политическое настроение, которое можно было бы выразить в лозунгах, ещё точнее – в слоганах, как сейчас го-

ворят. При этом сторонники так называемого “третьего белорусского возрождения” суть своего слогана, как правило, основывают на призыве-требовании: “Беларусь – в Европу!..” И ему, вроде бы, противопоставить нечего... Так что беспристрастному взгляду открывается реальность, без преувеличения, страшная: на этот катастрофически переломный момент *белорусы не имеют и как бы не желают иметь общей идеи национальной* в полном и прямом смысле этого слова, а добровольно согласны обходиться тем, что им предлагается в уготованной архитекторами нового мироустройства ситуации; хотя нас ведь ориентируют на дробление, вычленение отдельных компонентов синтеза национального и государственного начал, подчинение общей идеологии партийным интересам, таким образом способствуя не единению нации, а противопоставлению частей её, поляризации (“шчырыя беларусы” і “прыхільнікі аб’яднання з Расіяй, г. зн. знішчэння беларускасці”), провоцированию гражданской войны в специфических формах – слава Богу, пока ещё не таких, как на Украине. Соответственно, ведя речь о системе координат, в которой должна бы начертаться белорусская национально-государственная идея, мы никак не можем обойти чрезвычайно опасно проявляющееся безразличие к ряду важнейших моментов, необходимых при здравом уме для нормальной ориентации.

А разговор на данную тему, собственно, заводить не имеет смысла без объективной характеристики духовно-нравственного состояния, в котором оказалась “элита” нашего общества. И первое, что следовало бы выделить как определяющую черту сознания, – это растерянность. Впрочем, такая характеристика с полным правом может трактоваться как поверхностная. Не потому, что она неверная, а потому, что отражает лишь видимое любому незашоренному взгляду частичное и внешнее проявление более серьёзного и значительного по сути – общей потерянности, утраты ориентации, обусловленной всем произошедшим как за последние десятилетия, так и за последний век.

Собственно, размытыми оказываются едва ли не все начала, и прежде всего этно-духовные, за что белорусская интеллигенция несёт ответственность, ибо не сохранила в должной полноте историческое сознание, не закрепила истинных представлений о реально существовавших и существующих основах и даже о потребности в них.

Тем более что дезориентированность многих “творцов идей” очевидна уже в терминологии, в применяемом ими понятийном аппарате. Взять хотя бы опорную для данного случая категорию “нация/национальное”, использующуюся, за редчайшим исключением, некорректно, поскольку о белорусском как национальном – чего бы это ни касалось: языка, культуры, истории, государственности, геополитики – обычно речь ведётся по отношению ко всем временам, хотя вести речь о сформированности белорусской нации до XX столетия нет никаких оснований, и по-иному это не может освещать никто, кроме публицистов, которые первыми и единственно определяющими считают факторы актуально-политические, а объективно-исторические разве что упоминают, да и то в трактовке ситуативно удобной, а на самом деле – искажённой, вульгарно подчиняемой злободневности, то есть “злобе” дней наших. Именно потому для вместе взятых граждан РБ неопределимым оказывается исторический идеал своей национальной государственности, поскольку для одних он в Великом Княжестве Литовском (независимо от того, насколько оно было национальным, да и суверенным, самостоятельным государством), для других – в Белорусской Народной Республике (при всей её мифичности), для третьих – в СССР (с его, мягко говоря, специфическими принципами определения национально-государственного суверенитета).

В силу этого граждане Республики Беларусь вовсе не одинаково, а, наоборот, весьма различно относятся ко многим историческим событиям. Особенно таким, например, как битва под Оршей 1514 года, разделы Польши (1772–1795), присоединение белорусских земель к России в (1793–1795), польские восстания 1831 и 1863 годов, великие войны 1812–1814, 1914–1918, 1939–1945 годов, а также к созданию Союзного государства Беларуси и России.

И дело не в частных случаях психоисторической девиации, а в системном изменении представлений граждан современной Беларуси о логике истории, о Божьем промысле относительно белорусов как народа и Республики Беларусь как национально-государственного образования, о фундаментальных ценностях, о реальных приобретениях и утратах в прошлом, настоящем и бу-

дущем. Короче говоря, имеются вполне достаточные основания вести речь о некоей деформации самосознания белорусов в конце XX – начале XXI веков, даже по сравнению с полными коллизий предшествующими временами.

Скажем, то, что Лев Сапега (1557–1633, великий канцлер, а затем великий гетман Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского) для поляков был и остаётся личностью положительно значимой, объяснимо и вполне понятно. Равно как и то, что для русских-великороссов он был и остается супостатом, предводителем захватчиков, да к тому же ещё и вероотступником (будучи крещёным в Православии, перешел в кальвинисты, затем принял католичество). Собственно, при желании допустимо видимые с нынешних позиций противоречия объяснять-оправдывать хотя бы тем, что речь ведётся о личности, являющейся продуктом своего времени и своей среды. Но практически невозможно понять, на каких основаниях этой исторической персоне даётся вот такая аттестация: “Лев Сапега – звезда первой величины на небосклоне белорусской истории и культуры”; “Позиция канцлера – это патриотизм высшей пробы, подтверждение того, что Лев Сапега никогда, ни при каких условиях не торговал Родиной” [9].

Ведь широко известно, что в интригах борьбы за польский трон Лев Сапега сначала подыгрывал Фёдору Иоанновичу Московскому, а затем Сигизмунду III Вазе Польскому, что сам он нарушил мир с Московским княжеством, которого добивался и который лично подписал в 1601 году; предостаточно свидетельств об истинной роли его, – мягко скажем, не “высшей пробы” – в событиях 1607 года, в организации военной кампании 1609 года и особенно в развернувшейся войне 1610–1618 годов. Впрочем, пафос цитируемого частного мнения можно считать всего лишь апологетикой многообразной материализации безгранично широкого восславления канцлера Сапеги. А она такова: Льву Сапеге в Беларуси установлен памятник, его имя носит улица в Минске, с его портретом выпущена почтовая марка и отчеканена монета, его именем названо просветительское общественное объединение “Фонд им. Л. Сапеги”, которое имеет статус наблюдателя в Конгрессе местных и региональных властей Европы.

Отнюдь не безобидной и не безвредной (и бескорыстной ли?) является массовая увлечённость мантрами из слов с основами “европа” и “евро”. Тем паче что она сопровождается также формированием иллюзорной картины мира – в прошлом, нынешнем и будущем.

Как ни досадно, а приходится говорить об опасности специфической – не от интернета зависящей – “виртуализации” сознания, навязываемого современным белорусам, что замечается на разных уровнях и во многих аспектах, особенно по отношению к истории политической и культурной: тут и виртуальное Великое Княжество Литовское как белорусское (а не Литовское, Русское и Жемойтское...), и виртуальные герои белорусской истории – помимо упомянутого выше Сапеги, литовские князья Миндовг, Альгерд, Витовт и Ягайло, и виртуальный покровитель белорусскости король Речи Посполитой венгр Штефан Баторий (“Сцзян Батура”), и виртуальные лидеры именно белорусского национально-освободительного движения Тадеуш Костюшко и Викентий Константин (“Кастусь”) Калиновский, и виртуальная толерантность в ВКЛ и Речи Посполитой на протяжении всех времён её существования, и виртуально доминирующий на белорусских землях Константинопольский Патриархат в новое время, и виртуальная Белорусская Народная Республика начала XX века вкупе с виртуальной Радой БНР, которая заявляет о себе в начале XXI века, и виртуальное благотворное значение Брестской церковной унии, которая сформировала виртуальную национальную веру – униатство, и виртуальная Белорусская Автокефальная Православная Церковь в Америке...

Чтобы избежать обвинения в досужем вымысле, укажем на некоторые факты: в Витебске установлен памятник Альгерду; в Гродно и деревне Пелеса Вороновского района – Витовту; на официальном уровне принимались также решения о необходимости установить памятники Гедимину в Лиде и Миндовгу в Новогрудке (а вот предложение установить в Новогрудке памятник Ярославу Мудрому поддержки не нашло); для культуры РБ “брендовое” значение приобрели “Радзивиллиана” и “Сапегиана”; портреты Радзивиллов, Сапег и близких им по роли в истории массово тиражировались на почтовых марках, открытках, постерах, календарях; в РБ учреждались орден, медаль, литературная премия и стипендия имени Кастуся Калиновского, его имя но-

сят гимназия, улицы ряда городов страны (две из них – в столичном Минске, хотя именем основателя научного белорусоведения – первого академика-белоруса! – всемирно почитаемого Евфимия Карского не назван даже какой-нибудь переулок). А в дополнение к указанному приведём конкретную иллюстрацию того, как ВКЛ и Речь Посполитая не только виртуально сопрягаются, но идентифицируются с безоговорочно идеализируемым Европейским Союзом: “Речь Посполитая двух народов – это же был первый Евросоюз в Европе! В Речи Посполитой в согласии жили разные народы, которые создали одно из самых больших государственных образований на континенте” [10].

Геополитический аспект данной проблемы при существующих подходах оказывается более чем условным, тоже виртуальным. В Беларуси, например, нередко можно было услышать и прочитать следующее: “Мы принадлежим к региону восточносреднеевропейскому...”; и до сих пор устно и письменно повторяется: “Мы живём в самом центре Европы”, а в то же время часть элиты непременно добавляет: “Нам нужно возвращаться в Европу – как можно скорее!”.

Не менее симптоматичны проявления этого плана дезориентации большинства современных белорусов в парадоксально сочетаемых “обнаружениях” нового центра Европы и стереотипных утверждениях, что уникальность Беларуси и её народа – в статусе пограничья между Востоком и Западом.

Условный европейский ориентир, который иллюзорно предвставлен выше любого Александрийского столпа, является определяющим не только для публицистов отдельного толка. Представители разных политических платформ особую значимость придают идее “центра Европы” именно в Беларуси. Соответственно, и научные силы задействованы: “Белорусские учёные провели новые расчёты и с большой степенью точности определили географический центр Европы. Он находится в Витебской области на юго-запад от Полоцка, рядом с озером Шо. Словом, кто бы и как бы ни высчитывал и ни искал центр Европы, он-то находится в Беларуси!” [11]. А региональные власти, сначала замешкавшись, затем тоже подключились и поставили знак “Географический центр Европы”. Правда, не рядом с озером Шо, а в центре древнего Полоцка... Пожалуй, на зависть многим иным претендентам на “евроцентровость”.

Что же касается упомянутого состояния “между”, то как будто в ином положении чувствуют себя многие другие народы, включая не только самых ближних по родству – русских и украинцев, а также соседей – поляков и литовцев, но и словаков, словенцев, чехов, сербов, болгар, румын, грузин, да и турок, в конце концов... Опять-таки, мы постоянно принимаем во внимание не реалии, а виртуальные – надуманные либо навязанные – связи между ними. Тогда как настоящая идеология должна представлять собою систему взглядов, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к реальности, доступной в одних случаях живому созерцанию, в других – абстрактному, но никак не лишённому здравых начал, осмыслению.

Надо признать, что отношение к “русскому вопросу” в РБ имеет определённую зависимость от отношения к языковой ситуации, языковой политике. Проблема национального языка у нас время от времени становится горячей, в реальности горячей не являясь. Да, она сложна и не совсем типична, если сравнивать с другими странами: при официальном двуязычии в РБ сейчас активно пользуется языком русским, а не белорусским, фактически более 80% населения республики – за исключением стариков-сельчан, обходящихся родными диалектами, и части интеллигенции, которая русский язык исключает из обихода по принципиальным соображением; на русском языке у нас во всех сферах ведётся делопроизводство; преимущественную, подавляющую часть составляют русскоязычные издания книг, журналов и газет; в основном по-русски ведётся вещание радио и телевидения... Вот некоторые данные, излагавшиеся ответственными лицами: на 2002 год “примерно 30% газет – чисто белорусскоязычные, около 15% – на русском и белорусском, остальные – русскоязычные”; “в 2006 году во всём объёме выпуска книги на белорусском языке занимают 7,1 процента, 6,7 процента – книги на иных языках, а вся остальная часть (86,1 процента) – книги на русском языке”; по состоянию на конец 2014 года, “больше всего книг в Беларуси издаётся на русском языке – около 85 процентов. Белорусскоязычные книги ежегодно занимают нишу в 10–12 процентов”; “В учреждениях высшего образования на белорусском языке обучаются 300 студентов, на русском и белорусском

языках – свыше 149 тыс. студентов, на русском языке – около 212 тысяч” [12].

Между тем, у нас при двуязычии внешнем существует и многоязычие внутреннее, поскольку носителями белорусского языка используются разные системы правописания, произношения, даже графики; в дополнение ко всему этому недавно проведена орфографическая реформа, объективные итоги которой вряд ли осмысливали исходно даже сами её авторы, так как по сути она разрушает худо-бедно существовавшую кодификацию и, соответственно, ограничивает круг полноценных носителей языка: фактически, на данный момент даже подавляющая масса обладателей высших учёных степеней по филологии не знает правил нововведённой орфографии; то же самое – с учителями-белорусистами! Конечно же, задача государства – всемерно способствовать поддержанию языка титульной нации, а соответственно, её литературы и вербальной культуры. Но... при имеющихся коллизиях у нас пока никто не нашёл приемлемых для всех граждан страны решений.

Отдельного разговора заслуживает ещё более сложная (хотя напрямую уже не зависящая от сложившейся языковой ситуации) проблема национальной идентификации. А ведь итогами её решения, так или иначе, будут обусловлены перспективы белорусской нации как полноценного рода-народа и судьба его Родины как государства.

Вроде бы все согласны, что нельзя спекулировать на чувствах патриотизма, имеющих незаменимую ценность тогда, когда они мотивируются настоящей любовью к родине, желанием отстаивать её достоинство. Но отнюдь не любовь и уважение к Белой Руси, а тем более защита её исконной сущности, культивируется в процессе глобализации. Большинство устремлений глобализаторов-европеизаторов на нашем пространстве, как правило, сводится к дискредитации Русскости и Православия; это, можно сказать, общий знаменатель. В то же время только слепые, глухие и бездумные могут не замечать, сколь активно и небезуспешно, в чём убедиться позволяют даже приведённые примеры, идет у нас полонизация вкупе с католизацией ради благотворной якобы европеизации, а точнее – глобализации в американской расфасовке. Для пушей убедительности такого, а не иного, суждения о происходящем не лишне вспомнить, как бывший главный представитель Католической Церкви в Республике Беларусь, архиепископ (впоследствии – кардинал) Казимир Свёнтек открыто декларировал: “Моя программа – распространение польскости на этой территории: нам следует как можно больше детей и молодёжи отправлять в Польшу на экскурсии, на учёбу, а из Польши сюда присылать ксёндзов и монахов, нам нужно организовывать кружки поляков, курсы польского языка...” [13]. А для полноты картины, пожалуй, не лишне добавить и следующее: “В начале 1990-х годов... в костёлах на территории суверенной Беларуси были вывешены польские государственные флаги и портреты президента Польши. Белорусское правительство было вынуждено принять специальное постановление, приказывая убрать из культовых зданий государственные символы чужой страны, в которой, кстати, тогда уже начали печатать географические карты, на которых Западная Беларусь значилась как польская территория. О Казимире Свёнтеке польские кинематографисты сняли документальный фильм, который показывали по польскому телевидению и в котором Свёнтек говорил о своих планах полонизации Беларуси, ни разу не упомянув названия страны, в которой он живёт и работает. Я помню последний кадр этого фильма: лицо Казимира Свёнтека на весь экран и его слова: “Едем поляком” (“Я – поляк!”). Лишь после того, как белорусское правительство выступило с жёсткой оценкой такой политики католичества, в костёлах началась “белорусизация” [14].

Что представляет собой эта “белорусизация”? С одной стороны, Римско-католическая церковь стала активно использовать белорусский язык и в богослужебной практике, и в успешно развивающемся издательском деле, и в своих средствах массовой информации, что с одобрением принимается интеллигенцией. Католические священники широко развернули культурно-просветительскую и воспитательную активность среди детей и молодёжи, к чему общественное мнение относится также положительно. Однако следует иметь в виду, что если речь идёт о “белорусизации”, а не о чём-то ином, то нельзя не видеть противоположного по сути: в здоровой исторической памяти белорусов всё же сохранилось (хотя это у нас почему-то не принято вспоминать), что в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемойтском (бе-

ло)русский язык был запрещён (1696) по решению конфедерации сословий Речи Посполитой, да и сейчас в качестве белорусскости систематически навязывается польскость, о чём было сказано выше. И дополнительным доказательством того несть числа. Из них нельзя не упомянуть, к примеру, такие: на белорусской земле установлено множество памятников Римскому папе Иоанну Павлу II (то есть поляку Каролу Войтыле); памятники ставятся даже мрачнопамятному униатскому архиерею Иосафату Кунцевичу, которого народ прозвал “душехватом” (тогда как бурные протесты определённых кругов вызвала уже сама информация, что Синод Белорусского Экзархата РПЦ будет рассматривать вопрос о канонизации митрополита Иосифа (Семашко), воссоединившего белорусских униатов с Русской Православной Церковью); в первые строки реестров “белорусской” славы вписывается польская шляхта XV–XIX веков; массово “обелорушиваются” деятели польской культуры; у нас активно действуют Польско-американский фонд свободы, фонд “Помощь полякам на Востоке”, фонд “Semper Polonia”, фонд имени Стефана Батория, учреждённый поляками-доминиканцами фонд “Через границы”, фонд “Образование для демократии”, Институт в поддержку демократии в Восточной Европе и т. п.

Понимая необходимость культурного взаимодействия двух соседних и родственных народов, мы можем и обязаны с должным почтением относиться к активно действующему в нашей стране Польскому институту, к выходящим у нас журналу “Magazyn Polski” и газете “Glos znad Niemna”, а также и к “Союзу поляков”, и к ассоциации “Польская община”. С неодинаковой степенью терпимости граждане-белорусы воспринимают то, что из Польши на территорию Республики Беларусь направлено действие спутникового телеканала “Белсат” и организовано вещание белорусской службы “Радио “Полония”. Однако очень многих, если не всех, белорусов смущает введение пресловутой “карты поляка”.

Конечно, все мы должны учитывать, что определённый процент населения Беларуси составляют поляки: согласно официальным данным, их 3,9% (или 395,7 тысячи), тогда как белорусов – 81,2%, а русских – 11,4% [15]. Наряду с этим, никак нельзя не учитывать того, что буквально за последние два десятилетия поразительно вырос и стал уже достаточно большим процент католиков (не поляков?). Не так давно изданная энциклопедия “Республика Беларусь” содержит сведения, что лишь за три года, с 1994 по 1997-й, соотношение численности католиков изменилось с 9,9% на 10,4%, а вот православных, наоборот, с 80% на 77,4% [16]. Вообще-то статистика подобного рода нередко выглядит скорее как пропагандистская либо иллюзионистская, а не исследовательская, научно обоснованная. Скажем, в совсем недавнем появившемся (под весьма серьёзным названием) сборнике представлена следующая “цифирь”: “... 72,6% отнесли себя к православным, 0,4% – к разным направлениям протестантизма, 9,3% – к католикам” [17]. Однако в том же издании другой автор, ещё более авторитетный, приводит иные данные: “Мониторинговые социологические исследования показали, что среди верующих с православием отождествляет себя ровно 80 процентов, с католицизмом – 8,5 процента, с протестантизмом – 0,6 процента” [18]. Правда, он же в докладе на конференции Международного Единства Православных народов (МФЕПН) о численности католиков предоставлял другие сведения: “По данным на декабрь прошлого года, 80% общества Беларуси назвало себя православными, 12% – католиками... [19]. А в университетском “Вестнике” незадолго до этого публиковалась существенно отличающаяся статистика: “Среди верующих около 76% – православные, около 14% – католики...” [20]. Но ещё более поразительны статистические расхождения в случае с публикациями весьма значимого официального журнала, когда в одной из них Уполномоченный по делам религий и национальностей РБ указывает, что на 2009 год “... по самоидентификации с православием – 72,6%, с католицизмом – 9,3%...” [21], а через десяток страниц “Арцыбіскуп, Мітрапаліт Мінска-Магілёўскі” сетует: “Всего в Беларуси на нынешний день работает около 440 священников, что недостаточно для душепастырской опеки над полутора миллионами католических верующих” [22]. Но даже нерадивые ученики средних классов общеобразовательной школы с европеизирующей болонской системой обучения, подсчитав, должны уяснить, что 1,5 (полтора) миллиона по отношению к 9,5 миллионам составляют отнюдь не 9,3%, а почти в два раза больше!

Спору нет, национальные и религиозные чувства граждан РБ, являющихся поляками (этническими или “костельными” – не так важно), должны безоговорочно уважаться. Да речь о другом: на фоне, который нами белуго очерчен, велась и ведётся фронтальная обработка массового сознания в явно антирусском и антиправославном духе. Вот, к примеру, образчик (далеко не самый мерзкий) местной русофобии: “Внешний облик православных церквей менялся более медленно. Может, такой неспешности способствовала ортодоксальная каноничность этой конфессии. Например, русские священники не могут служить в церкви, если на ней нет хотя бы одной *цыбуліны* (то есть “луковицы”. – И. Ч.). Когда в Гродненскую Каложу пустили верующих, её настоятель долго терпел, а потом нанял работников, чтобы те на Каложу тоже *прышпан-дорулі... цыбуліну*. История эта закончилась тем, что батюшку с прихода сняли и отправили куда-то, как я слышал, в Тамбовскую губернию (...) После XVIII века наши земли вошли в состав Российской империи и началась новая, очередная, эпоха. Католиков постепенно отстраняли от активной общественной жизни, Унию разогнали в 1839 году, храмы строили исключительно православные, а те католические, что ещё остались, в большинстве забрало себе тоже православное руководство...” [23]. По тем же целям многократно, с закрытыми глазами, бьёт другой радетель за белорусскость: “После “крещения Руси” в стремлении идеализировать это событие адепты новой религии принялись рьяно уничтожать все свидетельства “языческого невежества”. Епископы скупали либо отнимали летописи, сжигали их, вывозили в Византию (...) На совести христианских “борцов за культуру” не только уничтожение памятников древних славян, но и старообрядных святынь – книг, храмов, монастырей”; “Что белорусский народ из-за государственной политики русификации, в стороне от которой не стоит и РПЦ, едва ли не весь онемел в своём родном языке, видят и светские, и церковные власти” [24]. Кстати, две последних цитаты – суждения представителя исторической науки РБ, который в эпоху той самой “русификации” получил две учёных степени для того, чтобы развивать белорусскую историографию на истинно научных основах, однако в последние десятилетия свою квалификацию решил подтверждать лишь весьма пространными русофобскими газетными статьями.

Силами вот такого рода публицистов, идеологов-пропагандистов, а также недобросовестных историков у нас пугалом сделана “русификация” 1860-х годов и национальная политика советского периода. Хотя на удивление мало говорится о том, как в XVI–XVIII веках на всех белорусских землях, а в 20–30-е годы XX века в Западной Белоруссии велась целенаправленная и жёсткая полонизация, что подтверждается свидетельствами многих учёных, в числе которых и украинский учёный богослов: “Если бы не Богдан Хмельницкий и не раздел Польши, то белорусский и украинский народы, вероятно, полностью были бы полонизированы, вследствие унии” [25], и белорусский историк академического склада: “...Когда в 30-е годы на замковой горе в Гродно были найдены основания древнего православного храма, то польские археологи, по сути, не засвидетельствовали это официально, ибо факт этот прямо противоречил односторонней польской историографии, которая считала Гродно городом польским” [26]. Такие плоды на протяжении веков давало размежевание Pax Slavia Latina – Pax Slavia Orthodoxa. Сейчас даёт тоже. Иногда в формах открытых и даже демонстративных, о чём мы упоминали, а иногда и латентных, возможно, и неосознаваемых – как в этих, к примеру, случаях: турагентство “Солвекс” (Минск) в октябре 2007 года провело интернет-акцию “Семь чудес Минщины”, из 46 предложенных памятников Минской области выбрав семь объектов, к которым были привязаны экскурсионные маршруты, а 6 “чудес” (из 7) – это костёл Рождества Девы Марии в Будславе, костёл Воздвижения Святого Креста в Вилейке, костёл Архангела Михаила и костёл Св. Алексия в Ивенце, Фарный Костёл Святейшего Божьего Тела в Несвиже; несколько лет назад у нас появились почтовые карточки в честь классиков отечественной литературы, а таковыми, оказывается, являются Адам Станкевич, Винцент Гадлевский, Микола Касперович, Янка Купала, Язэп Драздович, Алесь Гарун, Вацлав Ластовский... Опять-таки те же “чудеса”!

В своё время А. С. Пушкин, отзываясь на выход собрания сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, о белорусах писал как о “... народе, издревле нам родном, но отчуждённом от России жребиями войны” [27]. А войны же и в послепушкинскую эпоху, включая наше время, идут.

И то ли ещё будет, если воплотятся в жизнь рекомендации, подготовленные современными (довольно высокопоставленными) деятелями в сфере белорусской культуры, а именно: “При разработке стратегии национально-культурного и духовного развития исключительно важным является доскональное изучение опыта иных стран, прежде всего, европейских, ибо белорусская культура является частью европейской христианской цивилизации. Успешным и возможным для нашей акцептации является, в первую очередь, польский опыт (имеется в виду как сохранение культурных достижений, так и реализация стратегии дальнейшего культурного развития). Огромное значение имеет также использование опыта британского (не случайно интеллектуальный потенциал становится самым мощным фактором национального развития), немецкого и даже американского – последний особенно полезен своей поликультурностью, динамичностью, инновациями” [28].

Так вот нам рекомендуется “европеизироваться”! Увы, как наличествующие, так и планирующиеся результаты – не в пользу (бело)русскости и Православия.

Однако это вовсе не значит, что Православие перестало быть основным и неотменимым идентификационным признаком белоРУССКОГО этноса. Без него представители нашего народа (не состоявшейся пока нации), население РБ вместе взятого, даже если сохраняют остальные внешние атрибуты принадлежащих к общности, формируют некие субэтносы – белоПОЛЯКОВ, белоЕВРОПЕЙЦЕВ, белоАМЕРИКАНЦЕВ...

На здравый ум, не лишне бы задуматься над тем, что сопряжению “белорусского” с “европейским” в намечающейся перспективе предопределена, мягко говоря, дихотомичность. Новое мироустройство вынуждено, так или иначе, национальное подчинять наднациональному, хотя до поры до времени это явно и не декларировалось. Тем не менее, коллизии, этим обусловленные, белорусской ситуации уже успели проявиться, и весьма симптоматично. Если в начале 1990-х годов национальная идея не только считалась объективно неизбежной и воспринималась как двигатель развития, то уже в начале 2000-х она стала объективно гаситься не чем иным, как европейской интеграцией. Не случайно ведь популярный поэт, которого признавали “шчырым беларусам”, носителем именно “самости” (благодаря чему впоследствии выдвигался кандидатом в президенты страны), ничтоже сумняшеся публично заявлял: “Никакой национальной идеи нам уже не надо. ...Посмотрите, что в Европе делается! Сегодняшний мир развивается по совершенно иным законам: Евросоюз, глобализация и прочее” [29].

Будем помнить, что игнорирование или недооценка этно-национальных различий приводили к трагедиям весьма крупного масштаба. Следует признать, что некоторые различия историей были привнесены (это и территориальные разделы, и вероисповедные размежевания, и соответствующие расхождения в ряде обычаев, и закрепление отдельного языка, и формирование самостоятельной литературы...) Однако ещё более следует помнить, сколь опасно противоположное: когда целенаправленно преувеличиваются различия, чтобы у различаемых стереть память о корнях и добиться, чтобы напоминания об этих корнях вызывали комплексы, а в итоге – ненависть и к ним самим, а ещё более – к сохраняющимся их носителям.

А у нас с конца 1980-х годов немислимо активизировалось и многими силами стимулировалось столкновение различий, причем с убийственной логикой: негативное советское – это исключительно русское. Как в этом случае, например: “И сегодня для реваншистских тоталитарных сил, которые мечтают о реставрации Советской империи, Беларусь – лакомый кусок. Без неё, как и без Украины, нет великой России, нет настоящей империи. Отсюда и реанимация эксплуатированной царизмом устаревшей славянской идеи” (примечание автора: Она, как и аналогичные пангерманская, пантюркистская, панамериканская идеи, неадекватные цивилизованному обществу, давно сданы в архив истории), активизация политизированного пророссийского православия и коммунофашизма” [30]. Вот чему в значительной мере, особенно у молодого поколения, оказалась подчинённой белорусская национальная идентификация. Временные особенности её, понятно, зависят от всей совокупности внешнеполитических, внутривнутриполитических, социокультурных условий. Но в нынешнем мире необычайно сильны прагматично-адаптационные устремления. Именно они сейчас многообразно культивируются, приобретая

поразительную динамику и непредсказуемые возможности влиять как на массовое сознание белорусов, так и на восприятие белорусскости “со стороны”. Для этого не требуется ни осведомленность, ни надёжность фактографии, ни выверенность суждений-заклучений. Достаточно того, что задаётся известный “тон” и на деланной простоте вызывается “унисон”, как, например, в распространяемом среди иностранцев многокрасочном “энциклопедическом” (!) буклете с таким вот содержанием: “Правильнее бы писать “историческая Литва”, “Литовское княжество”, “Литва Великая”, “Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское и иных”, а также не беларусы, а “литвины”; “Беларусы сегодня – это литвины вчера”; “Беларусь идёт “по европейскому пути”: демократии (шляхетской), правового государства (...) Московская Русь формируется как “евразийское” государство с ярко выраженными признаками “восточной деспотии” и “азиатчины”; “Беларусь изучайте по Польше”; “Есть некая “золотая середина” между гонором и чувством “младшего брата”. И скорее всего, эта середина ближе к “шляхетности”, а не крепостному праву. Жыве Беларусь!” [31]. И не случайно также, что в этой “энциклопедии” среди бесчисленного изобразительного материала, множества костёлов, замков и прочих польско-шляхетских достопримечательностей, а в придачу и языческих капищ, дан всего один снимок православного храма – да и то, похоже, с целью показать “исторический памятник, отнятый у католиков”. Как не случайным, судя по всему, является утверждение, будто “изучение собственно белорусской истории начали представитель шляхетского рода Константин Тышкевич (1806–1868) – археолог, писатель по истории, археологии, географии и этнографии – и его брат Евстафий Тышкевич (1814–1873)”, когда в действительности начала белорусоведения положены православными белорусами Иоанном Григоровичем, Иоанном Носовичем, Константином Калайдовичем, а его плодотворное развитие осуществлялось благодаря тоже православным учёным Ивану Боричевскому-Тарнаве, Ксенофону Говорскому, Михаилу Кояловичу, Платону Жуковичу, Иоанну Малышевскому, Николаю Никифоровскому, Евстафию Орловскому, Евфимию Карскому, Владимиру Завитневичу и многим другим, которые в данной книжке совершенно обойдены вниманием.

На подобные опусы вроде и не стоило бы внимание обращать. Но ведь они являются не только свидетельствами уже достигнутых результатов соответствующей идеологической обработки сознания, но и напоминанием об угрожающих масштабах её в будущем. Никак нельзя, соответственно, закрывать глаза на то, что деформация самосознания белорусов оборачивается тотальной дерусификацией. Сейчас уже русофобия прочно внедрена в сознание практически всех белорусов возраста ниже тридцати лет. Их, можно сказать, убедили, что быть белорусом означает последовательно и категорично демонстрировать свою особенность и отдельность от русского народа, русской истории и культуры, непричастность к её традициям и духовным ценностям, выделять и абсолютизировать различия в основных этнокультурных признаках, особенностях национального характера и т. д. Кому же это выгодно? И к чему такое может привести? И кто возьмёт на себя ответственность за реально происходящую деформацию массового сознания и самосознания народа?

Поэтому особую значимость получает вопрос, каким же будет основной вектор просвещения и воспитания впредь.

Так или иначе, по большому счёту (как говорили мудрые предки наши, по Божьей воле), краеугольный камень национальной (!) сущности белоруса – русскость. Если этот камень убрать, сущности не на чем держаться. “Белость” сама по себе пропадёт. Иными словами, тогда не только о здоровом национальном самосознании, но и ни о какой национальности не может быть речи. Да и союзное государство окажется домом, который хотят построить на песке.

ЛИТЕРАТУРА

¹ См.: “Каб праясніць над Беларуссю еўрапейскае неба...” (На пытанні Алеся Разанава адказвае славенскі паэт Вена Таўфер) // Літаратура і мастацтва. 20.06.1997. С. 13–15.

² Калаич Драгош. Третья мировая война. – М., ИИПК “Ихтиос”, 2006. С. 65.

³ См.: Станкевіч Я. Нацыянальны назоў беларусаў // Беларускі студэнт (Прага). 1923. № 2–3. С. 10.

- ⁴ См., нпр.: Ластоўскі В. Падручны расейска-крыўскі (беларускі) слоўнік. – Коўна, 1924; Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. – Коўна, 1926.
- ⁵ Хаўстовіч М. Шляхамі да беларускасці. Нарысы, артыкулы, эсэ. – Варшава, 2010. С. 197.
- ⁶ Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 32–33, 46.
- ⁷ Шунейка Я. (Пытанне каталіцкае) // Залоска Ю. Версіі. – Мн., 1995. С. 55–57.
- ⁸ Быкаў У. Мы – апошнія, за намі чарга... // Залоска Ю. Версіі. – Мн., 1995. С. 40.
- ⁹ Саверченко И. Канцлер: Историческое эссе // Неман. 2013. № 8. С. 134, 156.
- ¹⁰ Ян Забродскі. “Рэч Паспалітая двух народаў – першы Еўрасаюз у Еўропе!” /Гутарыў Мікалай Анішчанка // Літаратура і мастацтва, 4.05.2007. С. 13.
- ¹¹ (Без подпісы). “Дакладнасць тыдня” // Літаратура і мастацтва, 11.10.2002. С. 2.
- ¹² См.: Літаратура і мастацтва, 31.01.2003. С. 4; Літаратура і мастацтва, 10.08.2007. С. 4; Літаратура і мастацтва, 23.01.2015. С. 9;
- ¹³ Цит. по: Гардун Сергій, прот. Яшчэ раз пра мову богаслужэння // Царкоўнае слова. 2008, № 4. С. 11.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Республика Беларусь. Энциклопедия. Т. 1. Минск, 2005. С. 46, 55.
- ¹⁶ Там же. С. 466.
- ¹⁷ Земляков Л. Е., Шерис А. В. Религиозная составляющая национальной безопасности Беларуси // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 55.
- ¹⁸ Котляров И. В. Конфессиональные отношения в зеркале общественного мнения // Религиозный фактор национальной безопасности. Материалы круглого стола 15 марта 2012 г. – Минск, 2012. С. 85.
- ¹⁹ См.: Przegląd Prawoslawny. 2013, № 4 (334). S. 7.
- ²⁰ См.: Пирожник И. И. [и др.] Социально-географические тенденции изменения конфессиональной структуры населения Беларуси // Вестник БГУ. Серия 3. 2007. № 1. С. 76–84.
- ²¹ Гуляко Л. П. Унікальны опыт Беларусі // Беларуская думка. 2009. № 5. С. 14.
- ²² Там же. С. 29.
- ²³ Валасевіч І. Жыве на Беларусі Бог // Літаратура і мастацтва, 3.08.2007. С. 4.
- ²⁴ Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. Мн., 1996. С. 10; Лыч Л. Аўтакефалія праваслаўнай царквы – шлях да рэлігійнай незалежнасці Беларусі // Народная воля. 13.01.2015. С. 4.
- ²⁵ Доктор Протопресвітер Г. К. Костельник. Ватикан и Православная Церковь. // Церковный вестник (Варшава). 1991. № 6. С. 36.
- ²⁶ Астроўскі Ю. Беларусы: адзін народ і тры нацыі? // Літаратура і мастацтва, 15.05.1992. С. 14.
- ²⁷ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. VII. – М.-Л., 1951. С. 328.
- ²⁸ Уладыкоўская Л. Як захаваць культурную самабытнасць? Сучасныя нарысы для некаторых аспектаў праблемы. – Мінск, 2010. С. 110.
- ²⁹ Некляев В. “Пофиглярили и хватит” // Свободные новости плюс. 25 авг. – 5 сент. 2002. С. 6.
- ³⁰ Маракoў Л. Рэпрэсаваныя літаратары, навукоўцы, работнікі асветы, грамадскія і культурныя дзеячы Беларусі. 1794–1991. Энцыклапедычны даведнік: У 3 т. Т. 1. Мінск, 2004. С. 43.
- ³¹ Якутовский Г. Беларусь – это круто. Минск, 2014. С. 5, 18, 44, 60.

г. Минск, Беларусь